

ЖИЗНЬ КАК ПОИСК ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА**Н.П. ШМЕЛЁВ****18.06.1936 – 06.01.2014**

Трудно поверить, но это случилось. Институт Европы и тысячи людей за его стенами понесли тяжёлую утрату, неожиданную и беспощадную – ушёл из жизни Николай Петрович Шмелёв, учёный мирового значения, общественный и государственный деятель, писатель от Бога, летописец человеческих душ. И ... уникальный Человек.

Всю свою жизнь Николай Петрович Шмелёв посвятил поиску здравого смысла, формулировал его для себя и убеждал других в том, что обыкновенный здравый смысл, помноженный на сочувствия к людям, и есть наше спасение.

Н.П. Шмелёв родился 18 июня 1936 года в Москве. С отличием окончил экономический факультет Московского государственного университета. Экономические реформы и развитие всемирного хозяйства стали главной научной стезёй Николая Петровича. Он следовал ею в Институте экономики АН СССР, в Институте экономики мировой социалистической системы, в Институте США и Канады. Квинтэссенцией его академических изысканий стала работа “Авансы и долги”, увидевшая свет в 1987 году и всколыхнувшая тогда всю страну. На переломе эпох Николай Шмелёв оказался в гуще политических событий, в 1989–1991 годах был народным депутатом СССР, членом Верховного Совета СССР. С 1992 года Николай Шмелёв работал в Институте Европы РАН, который возглавил в 1999 году. На этом посту он проявил себя как выдающийся организатор науки.

Н.П. Шмелёв был счастливым человеком и потому, что раскрыл свои дарования и таланты также в писательском деле. Миллионы людей стали поклонниками писателя Шмелёва после выхода повести “Пашков дом” в 1987 году. Вершиной его мастерства рассказчика стали “Ночные голоса” в 1999 году. В своих художественных работах, от романов и повестей до автобиографических зарисовок, своего рода камешков мудрости, Николай Шмелёв был и есть яркий представитель русской писательской интеллигенции в лучших чеховских и лихачёвских традициях. Николай Шмелёв был членом Союза писателей Москвы и членом Союза журналистов России.

Николай Петрович ушёл от нас в канун светлого праздника Рождества, праздника надежды, веры и возрождения. И это не случайно, ведь он был светлым человеком, всё существование которого есть доказательство того, что всегда есть выбор, что всегда, несмотря на обстоятельства, можно встать на сторону добра, порядочности, сопереживания.

Светлой, как его жизнь, будет и долгая память о нём в наших сердцах.

Коллектив Института Европы РАН

Валентин ФЁДОРОВ

О Н.П. ШМЕЛЁВЕ
(В защиту здравого смысла)

Фридрих Энгельс в “Анти-Дюринге” довольно пренебрежительно отзывался о здравом смысле, отводя ему подобающее место лишь в домашнем обиходе, между четырьмя стенами.

Напротив, Николай Шмелёв призывал в своих работах ориентироваться именно на здравый смысл. “Чем же нам надлежит руководствоваться в дальнейшем?” – спрашивал он. И сам же давал ответ: “Уверен, ничем другим, кроме четырёх правил арифметики и обыкновенного крестьянского здравого смысла. И если нам сегодня чего-то и не хватает, так это не теорий, не вдохновенных стратегических планов с замахом на десятилетия, а то и на века, а простого понимания обыденного житейского правила: надо поступать не по теории, а по обстоятельствам...”.

Налицо два разных подхода к обустройству общества, и нужно отдать должное Николаю Шмелёву, что он выступил против тезиса знаменитого классика.

Николай Шмелёв был выдающимся учёным нашего времени, и что особенно хотелось бы подчеркнуть, он был мыслителем в полном значении этого понятия. Потому он и достиг вершин в разных сферах. Эти сферы были для него формами, которые заполнялись его раздумьями – экономическая наука (“Авансы и долги”), художественная литература (“Пашков дом”), российская история (“Сильвестр”), германистика (“Спектакль в честь господина первого министра”), политика (народный депутат СССР. На выборах народных депутатов СССР от Академии наук Николай Петрович набрал больше всех голосов, около 90%, опередив Андрея Дмитриевича Сахарова).

Названия его трудов исчисляются сотнями. В дискуссиях он быстро просчитывал мысленно один вариант за другим при решении проблемы или ответах, выбирая оптимальный, мгновенно продуманный, и его уже не могли смутить никакие оппоненты. А они были. И в немалом количестве. Причём кое-кто из них странным образом возлагал ответственность за экономические неудачи на Николая Шмелёва, хотя не кто иной, как он страстно обвинял власти в том, что они проводят ошибочные реформы – бросовая приватизация, залоговые аукционы, инфляция, монетизация льгот и др. Мы оба были членами Президентского совета (Ельцин) и могли с близкого расстояния наблюдать, оспаривая волонтаристские методы новой администрации страны.

© **Фёдоров Валентин Петрович** – член-корреспондент РАН, заместитель директора Института Европы РАН. **E-mail:** vpfyodorov@mail.ru

Плановая система хозяйствования при всей её неэффективности была довольно сложной, и вот вместо того чтобы понять её, что называется, дотянуться до планки и с большой осторожностью переводить на рыночные рельсы, сохраняя всё полезное, младореформаторы выбрали путь разрушения, то есть постарались низвести до своего уровня, и в этом они преуспели. Приведу эпизод из того времени. Один только что назначенный министр длительное время не появлялся на службе, а когда появился, то заявил своему предшественнику, желавшему передать дела: а куда спешить, чем больше всё развалится, тем лучше, будем строить заново. Впоследствии, поездив по объектам, он признался в беседе со мной, что впечатлён увиденным – мощные предприятия, почти километровые цеховые прогоны, экспортная продукция двойного назначения... Неумехами называл Николай Петрович таких горе-реформаторов.

Постигнув все хитросплетения экономической теории, явные, скрытые, разорванные взаимосвязи в ней, Николай Шмелёв вместе с тем был в курсе текущей конкретики, и если прибегнуть к высокому стилю, он знал и разделял чаяния народа. Цены на необходимые товары, размер зарплаты, налоги, экспорт-импорт и прочая статистика – всё это было для него не какая-то терра инкогнита, а основа продвижения в политику того самого здравого смысла. Он не был научным затворником. Николай Шмелёв и Михаил Горбачёв (после отставки) часто встречались, и однажды бывший генсек в беседе воскликнул в сердцах: “Ах, если бы я тебя тогда послушал, сейчас было бы всё иначе”.

Когда в далёком 1977 году я получил диплом доктора экономических наук, Николай Шмелёв сказал мне: “До сих пор ты сидел на одном месте, а теперь диплом начнёт таскать тебя за собой”. Эти слова оказались пророческими. Вскоре начались большие перемещения в моей биографии (ФРГ, Сахалин, Якутия), пока я не осел в Институте Европы РАН.

В течение 14 лет я был заместителем Шмелёва как директора этого института, у нас сложились доверительные дружеские отношения, которые стимулировали исследовательскую работу. Вместе с тем при обсуждении текстов не было никакого панибратства, они оценивались по “гамбургскому счёту”. Результатом нашего научного сотрудничества стал ряд совместных публикаций. Некоторые из них указаны ниже¹. По содержащимся там положениям неоднократно возникали дискуссии, например, о целесообразности переноса столицы России из Москвы за Урал, о приоритетном развитии потребительского комплекса, без чего невозможно оздоровление народного хозяйства, о будущем Европы. Что её ждёт – неминуемое крушение в перспективе вследствие миграционного фактора (автор этих строк) или спасительное преобразование (Н.П. Шмелёв)?

Хочу отметить ещё одну, уникальную сторону личности Николая Шмелёва: он был совестью нации, моральным стержнем общества. Без таких колоссов оно рухнуло бы в средневековье. Его слово много значило, с ним люди сверяли или кор-

¹ Н.П. Шмелёв, В.П. Фёдоров. “Россия – Запад: требуется концепция ограниченного возмездия”. Ж-л “Современная Европа (Взгляд экономистов)”, №1, 2010.

Н.П. Шмелёв, В.П. Фёдоров. “Прогнозы и опасности (к вопросу об их адекватности)”. Глава в монографии “Россия в многообразии цивилизаций”. Изд-во “Весь мир”, Москва, 2011.

Н.П. Шмелёв, В.П. Фёдоров. “Евросоюз – Россия: мера сотрудничества”, Доклады Института Европы, № 275. Изд-во “Русский сувенир”, Москва, 2012.

Н.П. Шмелёв, В.П. Фёдоров. “Российские реалии”, Ж-л “Современная Европа”, №3, 2013.

Н.П. Шмелёв, В.П. Фёдоров. “Нерешённые проблемы”. Глава в монографии “Большая Европа: идеи, реальность, перспективы”. Изд-во “Весь мир”, Москва, 2014.

ректировали свои представления о том, что происходит вокруг. В годы перестройки Николай Петрович повлиял на мировоззрения миллионов и миллионов людей. Он был властителем дум. Членами научной школы Шмелёва можно назвать не только тех сотрудников, кто непосредственно работал под его началом, но гораздо более широкую аудиторию. А сам он остро переживал несправедливости, чего бы они ни касались, и в борьбе с этим злом он проявлял свою сильную волю. Он не смирился с той разрушительной кампанией, которая была развёрнута против Российской академии наук. Человек науки, он буквально страдал, видя как погибает многое из того, что было создано за почти трёхсотлетнюю деятельность академии. Возможно, это ускорило его уход из жизни.

В текущей жизни Николай Шмелёв был приятным собеседником, никогда не прерывал говорящего, выслушивал до конца, иногда это было утомительно. Не любил, чтобы люди подолгу ждали в приёмной. Когда говорил сам, то блистал, совсем не нарочно, так уж получалось, знаниями и остроумием. На работе мы встречались друг с другом, как правило, через день, в общении у нас не было нарочитой серьёзности. Когда хотелось освободиться от текущих проблем и забот (после дождя протекает крыша или кровля, а то и обе, лопнула водяная батарея, холодно в помещении, аренда), то уходили “вглубь истории”, вспоминали разные эпизоды, рассказывали анекдоты. Однажды я в шутку предложил Николаю взять такой псевдоним – Шмелёв Тот Самый, на что он весело отреагировал. Между прочим, моё предложение было взято из жизни. Когда меня спрашивали, где работаю, то я отвечал: в Институте Европы.

– А кто у вас директор? – следовал вопрос.

– Шмелёв.

– Это какой Шмелёв?

– Тот самый.

– Ой, передайте ему привет.

Людская отзывчивость и благодарность ободряли Николая Петровича, укрепляли в нём веру в созидательные силы народа. Как он считал, баланс между пессимистическим и оптимистическим прогнозами развития России складывается примерно 49:51 в пользу последнего и решительно не соглашался с советами поменять эти цифры местами.

Николай Шмелёв любил изящную поэзию, романсы, обожал “Утро туманное, утро седое...”.

Иногда Николай мог быть вспыльчивым. И здесь проявлялась одна его особенность. Когда он был сильно разгневан, чем-то возмущён донельзя, то резко выговаривал собеседнику свои претензии, подкрепляя их энергичными жестами, с сигаретой в руке, в абсолютно правильной речи с безукоризненными формулировками (подлежащее, сказуемое), что меня всегда забавляло (Часто люди в таком состоянии только и способны, что извергать междометия и говорить бессвязные слова). Правда, он быстро отходил и сожалел, что “сорвался”. Он никогда не “закручивал гайки”, поощрял вольнодумство и, будучи шеф-редактором созданного им журнала “Современная Европа”, не навязывал свою точку зрения авторам.

Николай Шмелёв прожил плодотворную жизнь не только для себя, но и для своего Отечества. Без этого Учёного и Гражданина оно было бы отчасти другим, скуднее.

Юрий БОРКО

МОЙ ДРУГ НИКОЛАЙ ШМЕЛЁВ

Мы познакомились осенью 1963 года. Николай Шмелёв работал в Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР, а я – в редакции журнала “Мировая экономика и международные отношения”; он – в левой, а я в правой части коридора на втором этаже бывшей гостиницы, расположенной на Ярославской улице. Остальные четыре этажа занимал Институт мировой экономики и международных отношений, также входивший в состав АН СССР. Шмелёву было 27 лет, он только недавно защитил кандидатскую диссертацию по экономике, но уже был “эсэнэс”, то есть старшим научным сотрудником, что тогда было редкостью.

Друзьями мы стали задолго до того, как началась наша совместная работа в Институте Европы РАН, и произошло это как-то само собой. Моё первое впечатление запомнилось: умные, понимающие глаза, приветливая полуулыбка, естественность, неторопливая и доброжелательная манера разговаривать. Николай Шмелёв вызывал доверие. Вскоре выяснилось, что оно было взаимным. А началось наше сближение, может быть, с того, что мы были заядлыми курильщиками и часто пересекались у одного из окон, в которые упирались два конца нашего общего коридора. Дело в том, что перекур в те времена был излюбленной и самой распространенной формой творческой научной дискуссии, причём достаточно откровенной, если собеседники доверяли друг другу. Это был как раз наш случай.

Этому немало поспособствовала одна занятая история. Однажды в редакцию “МЭ и МО” пришла сотрудница какого-то московского научного учреждения и предложила свою статью. Тема интересная, фактический материал отличный, а написано неумело, и редакционная коллегия статью отвергла. Однако зам. главного редактора Лев Степанов сказал, что тема и фактура стоят того, чтобы статью “дотянуть” и опубликовать. Сказано – сделано. В доработке участвовали сотрудник редакции Том Петров, я и сам Степанов, а ещё привлекли Шмелёва, который был

© **Борко Юрий Антонович** – доктор экономических наук, профессор, президент Ассоциации европейских исследований, Институт Европы РАН.
E-mail: yborko@mail.ru

знаком с темой и дал несколько полезных советов. Статью опубликовали, автор по фамилии Лепихова была в восторге, так как это была её первая статья, да ещё в таком журнале, и, заявившись к Степанову, положила на стол немалый по тем временам гонорар, который, по её словам, принадлежит тем, кто довел статью “до ума”. Несмотря на все уговоры Степанова, женщина стояла, как Гибралтарская скала. Кончилось всё тем, что мы вчетвером – Петров, Шмелёв, Степанов и я – отправились в Дом журналистов, расположенный на Никитском бульваре, вблизи от Арбатской площади, где был уютный ресторан с приличной публикой, негромкой музыкой, понятливыми официантами, отличной и вполне приемлемой по ценам едой. Там мы учредили фонд имени Лепиховой, в который решили сбрасывать часть наших дополнительных доходов, в основном гонораров, и периодически совершать вылазки в “Домжур”. Так мы и делали в течение ряда лет, пока не разбежались в конце 1960-х по другим учреждениям и адресам.

А если всерьёз, то были, конечно, и более веские причины нашего сближения. Шмелёв и я принадлежали к одному поколению. Родившиеся до войны, но не участвовавшие в ней по возрасту, невоевавшие, однако прочувствовавшие и запомнившие ночные бомбёжки Москвы в 1941-м, лютые морозы двух первых военных зим, постоянное чувство голода. Поколение, зомбированное с детства одами в честь “Вождя всех времён и народов”, а повзрослев, потрясённое докладом Хрущёва о преступной роли Сталина в массовом терроре 1930-х и его ответственности за военную катастрофу в первые месяцы войны с нацистской Германией.

Я с умыслом упомянул о Сталине, потому что, скорее всего, именно с разговора о нём и началось наше сближение. Шмелёв был категоричен в своём неприятии Сталина как человека и как политика. Тогда было немало людей, искавших оправдания не столько, может быть, Сталину, сколько своей вере в него. “Да, – соглашались они, – конечно, диктатор, и столько неповинных людей расстреляно или погибло в лагерях, но ведь под его руководством мы впервые построили социализм и победили нацистскую Германию”. Не берусь утверждать, что Шмелёв уже тогда понимал, что у советской модели социализма нет будущего, вероятнее всего, он пришёл к этому выводу позже. Но ссылок на “объективные обстоятельства”, будто бы оправдывавшие Сталина, он не принимал, в чём я был с ним солидарен.

Это была не единственная сближавшая нас тема. В начале 60-х годов шла широкая публичная дискуссия о том, нужна ли стране экономическая реформа и если нужна, то какая. Мы были убеждены в её необходимости, и Шмелёв уже тогда считал, что при её подготовке следует многое взять из опыта новой экономической политики, проводившейся в Советском Союзе в 1920-е годы. Однако Н. Хрущёв подменил либерализацию экономики децентрализацией её управления, а после его принудительной отставки новый “Первый” (Л. Брежнев) положил проект масштабной экономической реформы под сукно, чтобы “не раскачивать лодку”. Сходились мы и в отрицательном отношении к периодическим идеологическим “наездам” на нестандартно мыслящих учёных-обществоведов – философов, социологов, экономистов, а также в отвращении к косной и зачастую просто убогой политике КПСС

в области культуры. Вероятно, были другие пункты схождения, всего не припомнить, а в общем довольно скоро выяснилось, что мы единомышленники.

В 1970-е и 1980-е годы мы встречались редко, потому что работали уже не только в разных организациях, но и в разных зданиях, далеко друг от друга. ИЭМСС переехал в собственное здание, а я перешёл на работу в Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН АН СССР). Да, встречались редко, но уже в ином качестве. Случилось так, что один из ближайших друзей Николая Шмелёва Вадим Мильштейн стал и моим другом. Естественно, и мы вскоре сменили статут единомышленников на статут друзей. Не буду напоминать, как за это время эволюционировали, а точнее сказать, деградировали советская экономика, политическая система и правящая партия с её специфическим высшим органом, в котором средний возраст его членов перевалил за 70 лет. Не буду рассказывать и о том, как эволюционировали наши научные и общественно-политические взгляды. Всё это в общем известно. Остановлюсь лишь на одном событии, которое произошло уже в период перестройки.

Событием этим была статья “Авансы и долги” – не просто известная, а прозвучавшая на весь читающий мир. Я воспринял её как квинтэссенцию наблюдений и размышлений автора на протяжении 30 лет, с конца 1950-х. Много из того, что в ней было сказано, я знал из наших разговоров, и всё же статья читалась мной как открытие, как прорыв в новое пространство отечественной экономической мысли, да и не только экономической.

В “Авансах и долгах” Николай Петрович Шмелёв явил себя в трёх лицах – учёного, соединяющего в себе исследователя-экономиста и мыслителя, литератора, наделённого в числе прочего и даром яркого публициста, наконец, человека с очень развитым, я бы даже сказал, с редким по своей органичности чувством здравого смысла.

Отсюда и достоинства статьи.

Во-первых, откровенная, жёсткая характеристика состояния советской экономики и государственной системы контроля и управления ею.

Во-вторых, содержательный экскурс в историю экономической политики КПСС и Советского государства, в том числе анализ обстоятельств, при которых возобладали курс на создание тотально огосударственной и централизованной экономики со всеми её изъянами и пороками.

В-третьих, честная оценка негативных нравственных последствий этой экономической системы, её несовместимости с естественными мотивами и стимулами любой экономической деятельности человека.

В-четвёртых, резкая оценка экономической бюрократии вообще, особенно её высшего слоя. “Коренной порок нынешней структуры хозяйственного управления, – утверждал Шмелёв, – полная безответственность высших этажей пирамиды”. “Кто, – спрашивал он, – будет отучать наших хозяйственных руководителей, особенно высших, от феодальной психологии, кастового чванства, уверенности в своей непотопляемости, своём “Богом данным” праве командовать, в том, что они выше законов и

выше критики?”¹. Пожалуй, это была наиболее рискованная часть статьи; автор сознательно поставил себя в положение мишени.

В-пятых, – последнее по месту, но не по значению, – в статье были названы некоторые ключевые пункты экономической реформы, нацеленной на переход от директивной экономики к рыночной. Шмелёв предвосхитил многое из того, что было сделано в 1992–1993 годах, но уже в гораздо худших условиях.

“Авансы и долги” круто повернули жизнь самого автора. В какой-то статье, опубликованной после его кончины, Николай Петрович Шмелёв был назван “шестидесятником”. По своим нравственным императивам – да. По своему мировоззрению и критическому отношению ко многим реалиям советской и международной жизни – тоже да. Вместе с тем к движению “диссидентов” он относился осторожно, а к некоторым из них – критично. Шмелёв не считал себя и не был “публичным человеком”, и участие в общественной деятельности предпочитал просветительство. Был лектором, что называется, “от Бога”, и, по воспоминаниям его бывших учеников, за конспектами его лекционных курсов на экономическом факультете МГУ перед экзаменами выстраивались очереди.

После публикации статьи всё переменялось. Профессор Шмелёв – желал он того или не желал – был назначен общественным мнением одним из самых авторитетных лидеров только что родившегося демократического движения. Он стал “публичным человеком” высшего разряда. Избранный от Академии наук депутат Съезда народных депутатов, активный участник Межрегиональной депутатской группы, объединившей демократическое крыло депутатов съезда, блестящий оратор, речи которого на заседаниях съезда транслировались по телевидению на всю страну. Звёздный период жизни и деятельности Николая Шмелёва, закончившийся триумфом российской демократии 21–22 августа 1991 года. Триумфом, который вскоре обернулся трагедией её поражения.

Это была трагедия и для Шмелёва, усугублённая тем, что раскол в демократическом лагере навсегда развёл его с немалым числом недавних единомышленников и друзей, принявших участие или поддержавших экономическую реформу, инициированную и частично осуществлённую под руководством Егора Гайдара. Николай Шмелёв считал эту реформу ошибочной и антигуманной. Тема эта непростая, и вместить её в первые, достаточно короткие воспоминания о нём невозможно. Я вернусь к ней и к последнему периоду его жизни и деятельности в Институте Европы РАН в очерке, который пишу для сборника воспоминаний о Николае Петровиче Шмелёве – выдающемся учёном, проницательном и вдумчивом писателе, гражданине, патриоте, достойном и глубоко русском человеке.

¹ Шмелёв Н. Авансы и долги // “Новый мир”, 1987, № 6.

Владимир Попов

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ВИДЕЛ И УМЕЛ ПОНЯТЬ ГЛАВНОЕ

*Шмелёв первым выступил за реформы
и первым – против того, как они проводились.*

Про Николая Петровича писать будут многие. Он был человеком крупного кадра и в литературе, и в экономике, и в судьбе многих людей оставил след на всю их последующую жизнь. В том числе и в моей судьбе. Он был моим начальником, старшим товарищем и соавтором в 1983–1991 годах, когда я работал в Институте США и Канады АН СССР; а после 1991 года мы общались регулярно и по работе, и как друзья. В 1989 году в России, а потом и в США вышла наша книга “На переломе”¹; в 1991 году под нашей редакцией вышла другая книга²; до этого и после этого мы писали вместе докладные записки, статьи, главы в книгах³.

В 1983 году я закончил рукопись книги про экономические циклы, её раскритиковали как подрывающую марксистские догмы (хотя мне казалось, что наоборот я восстанавливаю творческий марксизм). Николай Петрович отнёсся к книге с симпатией, взялся помочь, и в итоге я перешёл в сектор мирохозяйственных связей Института США и Канады, который тогда Шмелёв и возглавлял. Во время первого серьёзного разговора я посчитал нужным рассказать Шмелёву, имевшему репутацию либерала, о своих политических взглядах:

– Я социал-демократ, Николай Петрович, верю в международное братство всех людей труда. Нынешнюю советскую систему критикую, как и все, но социалисти-

¹ Шмелёв, Н.П., Попов В.В. “На переломе: экономическая перестройка в СССР”. М., изд-во АПН, 1989; Shmelev, N., V. Popov. “The Turning Point: Revitalizing the Soviet Economy”. Doubleday, NY, 1990.

² Советская экономика: от плана к рынку. Под ред. В. В. Попова и Н.П. Шмелёва. М., Изд-во “Прогресс”, 1991.

³ Анатомия дефицита. – Знамя, №5, 1988; План и экономика. Изд-во “Знание”, Москва, 1988; На развилке дорог (Так была ли альтернатива 1929 году?) – Студенческий меридиан, №1, 2, 1989; другие).

© Попов Владимир Викторович – доктор экономических наук, профессор РАНХиГС, почётный профессор российской экономической школы.

ческие идеи разделяю. Может, и не вполне большевик, но как минимум “меньшевик-интернационалист”.

Шмелёв улыбнулся.

– М-да, сколько вам лет?

– Скоро 30.

– Знаете, что Черчилль говорил? Кто в молодости не был левым, у того нет сердца. Но кто к старости не стал правым, у того нет ума. У вас ещё есть время, но не так много...

Наверное, в последующие годы я поправел, а, может, и Шмелёв полевел, так или иначе мы сработались. Мне повезло, что судьба нас свела, я понял это сразу. Николай Петрович отличался от остальных так, что лишь слепой мог не заметить, что по широте кругозора, по общей культуре и по умению анализировать и видеть глубже он превосходил других на порядок. Это было очевидно в науке, в экономике: многие специалисты, знавшие досконально свои темы, которыми занимались десятилетиями, не могли сформулировать суть дела так чётко, как Николай Петрович. И не могли сделать более верные прогнозы. Это было очевидно и в его художественной прозе – он писал о Гете и Пиросмани, о Питере Брейгеле и Иване Грозном, о московской интеллигенции и советской жизни. Его повести, романы и рассказы были настоящими, написанными не понарошку, все они запоминались и не отпускали – заставляли мысленно возвращаться к ним опять и опять, искать ответы на вопросы вечные и непреходящие, которые волновали человека сотни лет назад и будут волновать всегда.

Николай Петрович одним из самых первых выступил за реформы в статье “Авансы и долги”, опубликованной в “Новом мире” в 1987 году¹, и одним из первых выступил против того, как они проводятся. При всём своём уважении к Горбачёву (“европеец со ставропольским акцентом”) он резко критиковал его макроэкономическую политику, создавшую огромные вынужденные сбережения – отложенный потребительский спрос и повсеместные дефициты. В начале 1990-х годов ему предлагали войти в правительство (пост министра приватизации или другой), но он отказался. Он любил говорить: “Я не губернатор, я “еврей” при губернаторе”, но отказался он, конечно, из-за принципиального несогласия с “безжалостными” шокотерапевтическими методами. Он переживал и за судьбу СССР, и за судьбу России, и за судьбу социалистической идеи.

В своей экономической публицистике конца 1980-х Шмелёв определил главную экономическую проблему тогдашнего развития: рыночные реформы, ставка на экономические стимулы требуют стабильного рубля, а бюджетный дефицит и его монетизация эту самую стабильность подрывают, дискредитируя реформы и реформаторов. Тогда же он предложил варианты разумной политики – отказ от антиалкогольной кампании для восстановления потерянных от акцизов на водку доходов бюджета, продажа реальных активов (малая приватизация) и финансовых активов (облигационные займы) населению для откачки отложенного потребительского спроса, импорт ширпотреба за счёт валютных резервов и иностранных займов для немедленного наполнения потребительского рынка. Такие рекомендации могли помочь профинансировать издержки перехода к рынку, осуществить своего рода “хирургию под наркозом”, но, к сожалению, они, если и были использованы, то в

¹ Авансы и долги. – Новый мир. №6, 1987.

слишком малой степени и слишком поздно. Накопленные вынужденные сбережения населения в конце концов были ликвидированы самым жестоким и разрушительным способом – павловская денежная реформа 1991 года и апрельское “регулируемое” повышение цен, а потом и полное освобождение цен 2 января 1992 года, положившее начало периоду сверхвысокой инфляции.

В период высокой инфляции 1992–1995 годов, когда деньги раздавали на всё, кроме того, на что действительно было нужно, Шмелёв возмущался безжалостностью реформаторов в отношении пенсионеров, врачей, учителей, университетов, фундаментальной науки. “Если они печатают деньги вагонными составами, то разве нельзя прицепить к этому поезду ещё маленькую тележку, чтобы спасти от развала Академию наук? Сохранить в науке и в России сотрудников Математического института Стеклова стоит максимум несколько миллионов долларов – копеечные деньги в государственном масштабе; даже если на эту величину увеличить дефицит бюджета и погасить его печатанием денег, инфляция вырастет только с 1000% в год до 1002%. Какая разница. Кто это заметит?”.

Наверное, лучше, чем кто-либо, Шмелёв понимал, как в реальности работает советская экономика и вся административная система. “Если сказать, что система абсурдна, то это нас далеко не продвинет, – объяснял он. – Задача состоит в том, чтобы вскрыть механизм функционирования системы, законы её развития”.

“В чём состоит самая глубокая тайна советской системы? Я не сразу это понял, – говорил Шмелёв, – мне понадобились годы, чтобы понять. Я думал, на Лубянке есть подвал, там клетка, в клетке – три мудреца. Когда “припекает”, возникают серьёзные проблемы, члены Политбюро идут в подвал к клетке за советом. Мудрецы им и говорят – “вводите войска в Чехословакию” или “стройте “Атоммаш” или “поднимайте цены на мясомолочные продукты”. Так вот, самая главная тайна советской системы состоит в том, что не только мудрецов, но и клетки, и даже подвала на Лубянке нет”.

В каждой шутке есть доля шутки: этот образ системы был и у Войновича в “Москва 2042” – суперкомпьютер, якобы вычислявший оптимальную траекторию развития, а на самом деле сломанный и давно не работающий, в подвале охранявшемся как святилище. Но есть и в шутке доля правды. Советская система, вопреки представлениям плановиков развивалась совсем не по плану, а по не ведомым никому законам, причём развивалась относительно устойчиво и одно время (до середины 60-х) даже сокращала разрыв с западными странами по подушевому доходу, да и по социальным показателям (продолжительность жизни, например) была впереди многих. Каковы эти законы и механизмы развития плановой системы, мы до сих пор не знаем (это один из крупнейших пробелов в экономической науке), но благодаря Шмелёву имеем много “наводок”.

Собственно говоря, в этой области художественные произведения Шмелёва, особенно его сборник рассказов *Curriculum Vitae*, дают не меньше пищи для размышления, чем его научные работы. Перечитайте рассказы про А. И. Соболева, спасшего от разъяренного быка секретаря ЦК по международным связям Б. Н. Пономарёва, про Иди Амина и его друга – агента советской разведки поневоле, про Н. П. Фирюбина, секретаря московского горкома партии после войны, которого Сталин заподозрил в желании “отключить канализацию и провода в Кремле перерезать” – это ценные документы эпохи, реальные истории, записанные настоящим писателем, человеком, умевшим видеть и схватывать главное. Для серьёзных бу-

дущих исследователей советского социализма эти рассказы дадут не меньше, чем архивы и статистические сводки.

От Шмелёва я впервые услышал, что создание совнархозов в 1957 году, которое, как считали многие не имело никакого экономического смысла, на самом деле было продиктовано соображениями политической борьбы. Хрущёв старался тогда преодолеть сопротивление министерской бюрократии и решил создать “две партии” – по сельскому хозяйству и промышленности (а в перспективе хотел создать шесть – по птицеводству, свиноводству и т. д.). Так что получалось, что совнархозы отчасти сродни китайской “культурной революции”, цель которой тоже состояла в том, чтобы предотвратить бюрократизацию аппарата.

От Шмелёва я впервые узнал, какие широкие полномочия и невиданная в плановой системе экономическая самостоятельность были предоставлены наркомам вооружений, танков, самолетов, боеприпасов во время Второй мировой войны – вплоть до права устанавливать зарплаты, которые они считали нужными. Получалось, что в критические моменты административная система могла наплевать на все табу и использовать чисто рыночные методы.

Многое из того, что говорил Николай Петрович, он не успел записать. Те, кто знали его, наверное, как и я, только сейчас понимают, что многие его неопубликованные мысли будет трудно восстановить и додумать до конца.

В рассказе “Последний этаж”¹, который сам Николай Петрович считал “самым важным из написанного”, главный герой говорит так:

“...никому ещё и никогда не удавалось додуматься в этих вечных вопросах до большего, чем простая констатация унылого, согласен, неприятного и тем не менее абсолютно бесспорного факта: каждый из нас – лишь песчинка в пустыне бытия, и приходил ли ты в мир или вовсе не был в нём, не имеет равным счётом никакого значения ни для кого, кроме разве что тебя самого да ещё немногих твоих близких, кого судьба так или иначе связала с тобой в один узел”.

Я спорил, говорил, что есть какой-то смысл, предназначение, что человечество в конце концов добьётся того, что люди будут жить вечно и мы узнаем, что там, за пределами Вселенной. Я цитировал Конфуция: “Живи так, будто завтра умрёшь; учись так, будто проживёшь вечно”.

– Да, я могу принять неизбежность смерти, – отвечал Николай Петрович. – Но смириться с тем, что мы никогда не узнаем, в чём смысл, зачем нам была дана эта жизнь – с этим смириться я никогда не смогу.

Что же тут скажешь – действительно, трудно смириться. Ещё труднее умирать, так и не узнав, в чём этот смысл. Но если мы не знаем, это не значит, что смысла нет. Для меня этот смысл определяется достижениями и нравственными ориентирами таких людей, как Шмелёв. Николай Петрович не конъюнктурил ни в советское, ни в постсоветское время. Его художественную прозу не печатали четверть века, но он всё равно продолжал писать “в стол”, не подстраиваясь ни под цензуру, ни под “политкорректность”. Он успел сделать много и прожил жизнь достойно по самому высокому гамбургскому счёту.

Таким он останется в моей памяти. Навсегда.

¹ “Последний этаж”: сборник современной прозы. Москва, изд-во “Книжная палата”, 1989.